Телу Фан Хуа с каждым днем становилось все хуже и хуже.

Он был совсем не похож на прежнего несравненного Фан Хуа, потому что изнуряющая болезнь полностью разъела его тело. Он отказывался смотреть в зеркало, но оставался, съежившись, в своей комнате, кашляя там. Его выходов на прогулку становилось все меньше и меньше, и у него вошло в привычку вместо этого смотреть на спину Иэра, отстраняясь.

Я знала, что он вспоминает свое прошлое "я".

..когда-то он был элегантным, непринужденным молодым господином.

Мне было невыносимо видеть выражение его лица каждый раз, когда он смотрел вслед Иэру. Мрачность в изгибе его бровей, когда он думал о прежних временах, ресницы, прикрывавшие глаза, которые становились все темнее и темнее с течением времени... с каждым днем мне становилось только больнее. Иэр был умным человеком и, должно быть, тоже заметил это. Однажды он подошел ко мне, чтобы почтительно откланяться, мягко заметив, что прошло некоторое время с тех пор, как они покинули дом, и было бы неплохо вернуться и уладить кое-какие дела. Я не уговаривала его остаться, но он, казалось, ожидал этого и улыбнулся, забирая с собой остальных принцев. Только Дизэр остался, чтобы помочь мне своими медицинскими знаниями.

Саньэр и Люэр были явно недовольны, один кричал всю дорогу, в то время как другой целую вечность цеплялся за мою мантию, пока его не оттащили. Когда в доме стало меньше людей, в этом месте воцарилась тишина. Комнаты были пустынными, так что у меня было больше времени, чтобы заботиться о Фан Хуа, посвящая все свое внимание уходу за ним. Он относился ко мне одновременно холодно и с едким сарказмом, пока, в конце концов, совсем не перестал меня замечать.

Чай был недостаточно горячим, он был не таким вкусным, как тот, что заваривал Хань Цзычуань; его одежда была слишком теплой, ткань слишком толстой и причиняла боль, когда терлась о кожу.

Ему следовало бы знать. Когда мы жили в этом доме только втроем, именно я заботилась о его еде и одежде без какого-либо участия с стороны того человека. Хань Цзычуань доставлял ему эти вещи только от случая к случаю. Фан Хуа мог суетиться, жаловаться и игнорировать меня. Не имело значения, как он относился ко мне... до тех пор, пока он был здоров...

Но даже в таком состоянии он слабел с каждым днем, и каплевидная родинка у его глаза стала настолько темной, насколько это вообще было возможно. Перед лицом всего, что происходило передо мной, я могла чувствовать только огорчение и растущее чувство тревоги. Я перечитала все книги в доме по нескольку раз. Кроме того куска шелка, не было никаких других записей о Звере Фан Хуа, но даже этот шелк недостаточно подробно описывал детали...

Неужели не было другого выбора, кроме как смотреть, как он умирает? Кто мог бы подсказать мне, как спасти ему жизнь?

Я прислонилась к двери, беззвучно рыдая, в то время как мое тело медленно оседало на пол. Я

никогда не чувствовала себя такой бесполезной, как если бы... я утопала в горе. Пара рук легла мне на плечи. Удивленная, я поспешно вытерла глаза рукавом.

“Ифу? Если тебе что-нибудь нужно... Я немедленно это приготовлю.”

“Учитель?” - Диэр наклонился, чтобы с тревогой взглянуть в меня. Я растянула губы в улыбке - очень вымученной улыбке. Как я могла забыть, что Фан Хуа был слишком болен, чтобы сейчас вставать с постели?

“Как там Фан Хуа?”

Диэр медленно покачал головой, глядя на меня. Он собирался заговорить, но явно колебался. Прошло много времени, прежде чем он заговорил снова: “Учитель, я думаю, будет лучше, если вы пойдете к господину Хуа”.

“Этого не может быть...” - мои глаза расширились, когда я непреднамеренно выдала свою панику.

“Он сказал...” - Диэр ослабил хватку, не смея встретиться со мной взглядом. Его голос был очень мягким: “... что хотел бы вас увидеть”.

В моей голове стоял гул, когда я жестко оттолкнула его в сторону, промчавшись мимо в развевающихся на ветру одеждах, чтобы открыть дверь... и резко затормозить. Прошло несколько дней, но он все еще лежал на кровати в той же позе, не двигаясь. Я подошла, раздвигая парчовые покрывала, чтобы взять его за руку. Цвет лица Фан Хуа был ужасен, но он сумел улыбнуться. Стояла уже поздняя осень, было очень холодно. Его пальцы совсем не были теплыми... Я была в ужасе от того, что он собирался оставить меня вот так.

Ифу лежал на боку на кровати под парчовым покрывалом. Серебристые пряди выбились из общей массы волос и рассыпались по его подушке, все еще похожие на струйки воды. Только теперь его черные волосы были бесконечно перемешаны с сединой.

“Фан Хуа, есть ли что-нибудь, что ты хотел бы съесть? А как насчет красных лотосов... или, ты знаешь? В саду за домом расцвело множество безымянных цветов, прямо в том месте, куда ты всегда любишь ходить. Я могу сорвать что-нибудь для тебя...” - я задохнулась.

На этот раз, кажется, я его разбудила. Он перевернулся, полностью обнажив усталость на своих бровях. Покрывала очерчивали его болезненный силуэт, худой и слабый, зрелище было похоже на острый меч, который пронзил мою грудь насквозь и изогнулся, причиняя мне невообразимую боль. Я ощутила слабость в сердце. Что-то соленое и горькое потекло по моему горлу, и моим глазам стало необычайно тепло.

“Что с тобой сейчас не так...?” - донесся слабый голос, несущий в себе нотки смеха: “Я еще не умер”.

В оцепенении я смотрела на него и его улыбку, такую сияющую и наполненную теплом. Прошло много времени с тех пор, как он улыбался мне. Из-за окна ветер доносил пьянящий аромат, неся с собой настоящий дождь из лепестков душистого османтуса. Время от времени очередной золотой лепесток опускался на его подушку. Он закрыл глаза и понюхал лепесток османтуса, после чего тихо произнес: “Кому принадлежит тот человек(1)...?”

Я придвинулась ближе к кровати, сидя на полу, и спросила: “Ветер был слишком громким... я не расслышала отчетливо. Ифу, скажи это еще раз.”

“Вино... я не смогу снова выпить твое вино, когда в следующем году зацветут цветы. Когда тебя здесь не было, я пытался сварить немного сам... но оно было даже на десятую часть не таким хорошим, как твое. В следующий раз, когда будешь варить вино, назови его так.”

Я одарила его заплаканной улыбкой: “Ты пьяница”.

Он слегка улыбнулся в ответ: “Шаоэр, тебе было тяжело заботиться о таком старике, как я.”

По правде говоря, ты совсем не старей... твое лицо просто немного исхудало. Фан Хуа, ты все еще такой же элегантный, как и в первый раз, когда я увидела тебя, с внешностью, превосходящей внешность простых смертных. Ты самый красивый мужчина, которого я когда-либо встречала.

“Не говори так. Твое тело слабое, тебе нужно немного поспать». - я нежно погладила его по лицу, но мои пальцы непроизвольно задрожали.

“Есть кое-что, что я хочу сказать”. - он попытался встать, но упал обратно от недостатка сил, тяжело дыша: “Я должен побеспокоить тебя... помоги мне подняться.”

Я подложила подушку для спины, после чего помогла ему подняться и опереться на нее так, чтобы он полулежал на кровати. Он не был таким гибким, как раньше, и его развевающиеся одежды свисали с его тела. Его кости вонзились в меня, заставив мою грудь сжаться от боли, когда уныние снова наполнило меня. Он слегка коснулся моей руки, молча глядя на меня в течение всего процесса. Фан Хуа был чрезвычайно сосредоточен.

“В тот момент, когда я увидел их, я знал, что они хорошо позаботятся о тебе. Их характеры... они все похожи на молодых господ из хороших семей.”

Фан Хуа... я хочу только тебя. Я хочу только вечно проводить время рядом с тобой.

“Я помню, ты любила есть свежие горячие маньтоу”. - он продолжал улыбаться, но его речь стала медленнее, как будто он слишком устал, чтобы держать глаза открытыми: “Шаоэр, что бы ты хотела съесть завтра утром... когда мне станет лучше, я приготовлю это для тебя”.

“Тебе станет лучше... определенно, станет лучше”.

Шелковая ткань гласила: ‘Если взрослые Звери смогут сохранить ясное сердце в мире смертных, они смогут продлить свое долголетие и культивировать, чтобы достичь Бессмертия. Те же, кто движим чувствами(2), в конечном итоге становятся лишь травянистыми сорняками, увядающими год за годом и сгорающими в море огня в конце жизни, чтобы снова вернуться в бесконечный цикл перевоплощений.’ Но видеть его сейчас лежащим на кровати, со слабым дыханием и его темной черной родинкой...

“Фан Хуа, с тобой все будет в порядке”.

Он закрыл глаза, почти задыхаясь: “После того, как я умру, помоги мне... доставить мое тело Хань Цзычуаню”.

Я схватила ткань, чтобы помочь ему вытереть пот. Мое сердце чувствовало себя так, словно в него вонзили нож. Фан Хуа, на каком именно месте я нахожусь для тебя? Как ты можешь так спокойно причинять мне настолько сильную боль? Я коснулась его морщинистого лба, видя его решительное выражение, и почувствовала, что примиряюсь с беспомощностью в своем сердце.

“Я найду его для тебя прямо сейчас”. - сумела выдать я.

Ты и правда так сильно любил его. Тогда я использую его кровь, чтобы спасти тебя.

И все же рука выскользнула из-под одеяла, чтобы крепко схватить меня. Его кожа была тусклой и темной, пальцы тонкими и изможденными... как если бы он использовал всю свою силу, чтобы крепко обнять меня. Его брови сошлись еще ближе, когда он уставился на меня, как будто умоляя меня о чем-то. На его глазах были следы слез, когда его дрожащие губы выдавили два слова. Но мое зрение уже давно стало слишком затуманенным, чтобы разглядеть, что именно он говорит.

Фан Хуа, я использую все, что у меня есть. Даже если мой противник - сам император... Я стащу его с трона и доставлю сюда.

Во внутреннем дворе слышался только низкий, тихий стрекот цикад. Выражение моего лица было слегка внушительным, когда я прижимала кучу предметов к груди внутри главного зала.

“Учитель, куда вы собираетесь?”

“Конечно, я собираю вещи и готовлюсь к отъезду”.

“Есть кое-что, о чем я не знаю, должен ли сказать”. - Диэр быстро подошел, чтобы поймать меня за руку, смотря на меня с решительным выражением лица. И все же его голос был тихим, словно бы он боялся напугать меня: “В текстах, оставленных мне моими предками, я наткнулся на записи о Звере Фан Хуа. Господин Хуа потерял много крови и был сильно ранен чувствами. Его родинка уже почернела, так что маловероятно, что он проживет намного дольше.”

“Я уже знала все это давным-давно”.

Диэр понизил голос еще больше: “Вы должны... проводить с ним побольше времени”.

“Ты хочешь, чтобы я осталась и смотрела, как он умирает?” - я молча смотрела на него. Кажется, ему было неловко отвечать, и он только взглянул на меня, не отвечая.

Неужели он и правда хотел, чтобы я ничего не делала и просто глупо наблюдала...? Могла ли я только бодрствовать над человеком, которого любила больше всего на свете, пока он не погрузится в вечный сон в моих объятиях?

Прямо сейчас, его каждые десять дней были равны одному году в человеческом исчислении. Я уже наблюдала за тем, как он становится все старше и старше. Наше время вместе было ограничено, и все же человеком, о котором он не мог перестать думать, была не я. Должна ли я была смотреть, как он снова превращается в сухостой?.. Это было слишком жестоко. Зверь Фан Хуа, раненный чувствами, мог быть вылечен только чувствами, а затем вскормлен кровью. Это верно, кровь...

“Диэр, все твои предки обладали чудесными способностями в медицинском медицинском. Твоя кровь способна рассеять сотню ядов, верно?..”

Он улыбнулся, но в его глазах была боль, когда он опустился на одно колено: “Вы тоже это сказали, она способна рассеять сотню ядов. Учитель спасла мне жизнь, так что, если у Учителя есть какие-либо указания, Диэр готов десять тысяч раз умереть, нежели отказаться... но господин Хуа не человек, и он не отравлен.”

Это верно...

У меня голова пошла кругом.

“Но ты ученик Короля Пилюль, так что ты определенно сможешь придумать способ сохранить жизнь Фан Хуа. Так что...” - я медленно улыбнулась, смотря на него: “До того, как я вернусь... пожалуйста, сохрани ему жизнь”.

Диэр некоторое время оставался на коленях, совершенно ошеломленный, пока не посмотрел на меня с недоверием: “Учитель готовится отправиться во дворец?!”

Я резко выпрямилась, но не ответила, мой взгляд устремился куда-то вдаль. Там была пышная бамбуковая роща, простиравшаяся до самого склона, где путаница переплетающихся ветвей преграждала единственный путь обратно во внешний мир. Фан Хуа однажды сказал мне, что с этой горы нет пути, после чего за моей спиной соорудил эту неуклюжую массу ветвей. Теперь, когда я подумала об этом, я почувствовала одновременно обиду и невероятное тепло внутри себя.

Зверь Фан Хуа - это преимущественно самец миролюбивого нрава. Предпочитает жить один...

Жить один?

Я едва сдержала смех, когда мои руки сжались вокруг подола моей мантии. Мои губы на мгновение расплылись в усмешке, несмотря на то, что я сама этого не хотела, но чувства, сопровождавшие ее, были горькими. Фан Хуа, который должен был любить одиночество, использовал тысячу различных способов, чтобы удержать меня рядом с собой. Было ли это из-за того, что люди на пороге старости становились все более привязанными к обычным вещам в

мире смертных?

Может быть, ему не хотелось расставаться с этой землей.

Он хотел найти компаньона, но я была не тем человеком, которого он ожидал, и только усугубила его болезнь.

“Учитель, ваше лицо выглядит не очень хорошо. Должен ли я проверить ваш пульс для вас?” - осторожно спросил Диэр.

Мои мысли были отброшены на второй план, когда я наклонилась, чтобы помочь ему подняться, отряхивая пыль с его одежды: “Диэр, ты должен запомнить... Фан Хуа больше всего нравятся красные цветы лотоса в пруду на заднем дворе. У него поднимается настроение, если он просто попробует их немного. Его чай нужно заваривать в обжигающе горячей воде. Он может не разговаривать целый день, но часто рассказывай ему о наших приключениях в цзянху. Он очень готов слушать, даже если выглядит нетерпеливым... вот такой он упрямый человек.” - я обняла его, положив голову ему на плечо, когда мое тело задрожало. Слезы продолжали литься из моих глаз, не останавливаясь.

“Диэр, позаботься хорошенько о Фан Хуа для меня”.

Кто знает, когда мы встретимся снова после того, как расстанемся? Я не стала беспокоить Фан Хуа, а вышла через заднюю дверь с сумкой за спиной, сбежав через проход в бамбуковой роще в ближайший город. Хотя город находился в стороне от дороги и далеко от дворца, улицы все еще были довольно оживленными и полны радостной суеты. Я шла одна по главной дороге и не могла отделаться от чувства, что не подхожу этому месту.

Я зашла в чайный домик, чтобы поставить свою сумку и присесть.

“Официант, чайник чая”.

“Сию минуту, клиент”.

Этот малый был умен и быстр, он убрал со стола при помощи салфетки, после чего налил мне чашку. За соседним со мной столиком гости вели оживленную дискуссию. Их голоса были достаточно громкими, чтобы их слышал весь чайный домик.

“Ты слышал? Император собирается жениться на младшей дочери генерала через пять дней.”

Я вздрогнула.

“Конечно. Генерал Ци обладает военной мощью, и он один из основателей династии. Эта его дочь тоже умна и красива. Они сказали, что двор пошлет людей, чтобы забрать ее из дома через несколько дней”.

“Тьфу! Ты говоришь, что она яркая и красивая, но это не значит, что ты ее когда-либо видел. Можно ли сравнивать дочь генерала с другими барышнями? Возможно, она даже знает, как обращаться с мечом или копьем.”

Я отпила глоток несравненно горького чая и замолчала, так как шум и атмосфера чайного домика, кажется, вызвали у меня тошноту в животе. Бросив на стол немного серебра, я повернулась, чтобы уйти. По дороге не было времени навестить других принцев, поэтому я остановилась на краю рыночной площади, чтобы осмотреться. Напротив меня находился центр обмена денег(3) с гигантской вывеской, на которой жирными черными буквами было выведено: "И(□)(1), семейный обмен денег". В левом нижнем углу был сверкающий желтый иероглиф с надписью "Сяо", что означало "беззаботный".

Я проскользнула внутрь.

Продавец с добрыми глазами подошел ко мне, но остановился, увидев меня в мужской одежде. Неуверенный, называть ли меня госпожой или господином, он мог только опустить глаза и сказать со смехом: "Этот клиент довольно незнакомый, вы здесь, чтобы получить серебро?"

Я почти ничего не сказала, но вытащила из недр своих рукавов некий нефритовый кулон и протянула его. Сначала он, кажется, не понял. Но когда он перевернул нефрит, чтобы рассмотреть его более внимательно, выражение его лица изменилось, и он поспешно отнес его в задние комнаты. Вскоре после этого появился владелец заведения, мужчина около 40 лет, который казался честным, добрым и послушным. Он лично вернул мне нефритовый кулон своими трясущимися руками, после чего вытер пот со лба рукавом. С благоговейным видом он заговорил:

"Я не знал, что сам владелец пришел поговорить, это наша вина".

Я кивнула и взяла листок бумаги у его напарника, и закатала рукав, чтобы написать на нем цифру.

"У Беззаботного Бездельника, этого уважаемого старейшины, все еще все хорошо?"

Я подняла бровь и выдавила два слова: "Неплохо".

Остановив кисть, я подержала нефритовый кулон в руках, после чего нащупала немного киновари, чтобы обмакнуть его. Затем я прижала одну сторону к бумаге, чтобы сделать оттиск: миниатюрный иероглиф "Сяо", или "беззаботный".

"Достань для меня вот такую сумму бумажных денег".

Он сразу согласился и осторожно взял бумагу в руки. Я призвала его остановиться и достала из своей сумки некое письмо.

"Верно.... Отдай это Управляющему Иэру".

Он принял это со страхом и трепетом: "Циэр (седьмой принц), берегите себя".

Я улыбнулась. У меня не было времени тратить на них дальнейшие слова, поэтому я откланялась и ушла.

После того, как я вышла за двери, мне потребовалось всего несколько шагов, чтобы обнаружить, что Иэр открыл довольно много филиалов лавок и центров обмена денег в этом

городе... он, вероятно, посчитал, что я не привыкну жить вдали от них, и приложил все усилия, чтобы убедиться, что обо мне позаботятся...

Это немного печалило мое сердце.

Но после той меланхолии пришла гордость.

Я потратила серебро, хранившееся в моей мантии, на дорожные расходы, купила лошадь и поскакала в направлении дворца. На этот раз я запомнила все слова, которые эти принцы сказали мне там, в доме. После инцидента на утесе император забрал бессознательную меня обратно во дворец. Все улики, оставленные при сражении, были впоследствии уничтожены. И все же после того, как меня похитили из дворца, император никого не послал на мои поиски. Новость была сокрыта и запечатана во дворце, и никто не осмеливался снова упомянуть о ней.

Словно бы пропавшая женщина была не будущей императорской наложницей высшего ранга, а обычной придворной дамой. Все это уже было очень странно, но я никак не ожидала, что в тот самый день, когда я покинула умирающего Фан Хуа, я услышу новость о свадьбе Хань Цзычуаня. Разве его пара не была дочерью того единственного человека, которому он пытался сопротивляться? Разве глава этой семьи не был одним из главных потенциальных виновников инцидента на утесе?

Я обнаружила, что погружаюсь в густой туман, не в силах найти из него выход.

На все мои вопросы можно было найти ответ только после того, как я проберусь во дворец.

(1) yiren gui shei gui (人归谁归) – кому принадлежит тот человек, самая интересная часть этой фразы - yiren, или "тот человек". В применении с данными иероглифами, оно относится конкретно к женщине.

(2) qing (情) цин, сентиментальность. Это нечто, описывающее всю сферу человеческих чувств/эмоций/привязанностей. Совершенствующихся не должны привлекать вещи в мирском мире, если они хотят вознестись к бессмертию. Так говорится о тех, кто, можно сказать, потерян / захвачен цин или чувствами, будь то узы между людьми или неразрешенные чувства в их сердцах.

(3) qianzhuang (钱庄) - цянчжуан, центр обмена денег, своего рода старомодный банк.

(4) yi (一) – «и», первый. Этот иероглиф такой же, что и в имени Иэра, одного из принцев Шаоэр.